

иронии покушение на основополагающие ценности человеческого существования. Как свидетельствует Л. Гинзбург, Олейников выражал существовавший в 20-е годы «тип застенчивого человека, боявшегося возвышенной фразеологии, и официальной, и пережиточно-интеллигентской», он выражает сознание тех, кто чувствует «неадекватность больших ценностей и больших слов, не оплаченных по строгому социальному и нравственному счету». Казалось бы, такое сознание и поныне актуально, но, как мне представляется, современные подражатели и продолжатели Олейникова (скажем, остроумный Игорь Иртеньев) выражают как раз сознание без застенчивого человека, и в самом деле не причастного к «большим ценностям».

Наследие Олейникова не покрывается архивной пылью, оно живет, оно достойно более полного и серьезного издания. Тем более что люди, выпускавшие рецензируемый сборник, так и не поняли (за исключением В. Глоцера), с чем они имеют дело: книжечка основательно испорчена художником В. Чижиковым, который не увидел в стихах Олейникова ничего кроме хохмы и отозвался на них соответствующими иллюстрациями, убогими даже на «крокодильском» уровне, а в послесловии радуется Алексей Пьянов: это «первая поэтическая ласточка Макара Свирепого (псевдоним поэта. — А. В.), приветствующая нашу сегодняшнюю весну, сборник ершистый, веселый, молодой». Вот это и называется пошлостью. Николай Макарович Олейников, «человек трагического мироощущения и трагической участи» (определение Лидии Гинзбург), такого отношения к себе не заслужил.

Андрей Василевский.

ЮРИЙ ПОРОЙКОВ. «Ехали медведи на велосипеде...». Повесть. «Октябрь», 1988, № 7.

В повести Юрия Поройкова — середина 50-х. Место действия — деревня, русский Север. Герой повести — молодой учитель, горожанин — открывает для себя деревню: нищета, серая убогость — колхоз не успевал убирать все, что засеивал, не хватало ни машин, ни людей, ни умения, ни желания, собранное зерно сдавали до последнего зернышка, трудодни закрывались копейками и так далее, об этой, материальной стороне жизни уже много писалось. Поройков концентрирует наше внимание на том, что нравственно давило людей. Вот уполномоченный из района, сердитый дядя в темно-зеленом кителе — одежда еще под вождя! — требующий поддержать единогласно патристическую инициативу доярки из соседнего колхоза, подписавшейся на заем на триста процентов. Вспомним: так оно и было.

А вот владыка местного масштаба — председатель колхоза, «всем тут и царь, и бог, и отец родной. Слово и Советской власти нет уже вовсе, не сомневающийся в том, что народ надо загонять к светлым вершинам железной рукой».

Отношения людей в деревне далеки от патриархальных. Большинство подавлено, озлоблено. Пьяницы и хулиганы — тракторист Мишка да механик Колька, — укрываясь под крылом милиции, терроризируют деревню, идут на преступление, убийство — такова трагическая развязка повести.

Среда, в которой назревает основной сюжетный конфликт, болевая точка произведения — сельская школа. В ней та же показуха, то же угодничество перед всесильным председателем колхоза, перед проверяющими из района.

И здесь, мне кажется, мы подошли к тому, что можно считать в повести новым поворотом темы.

Как, на какой почве, каким образом вырос и созрел тот тип руководителя, который в годы застоя запятнал себя коррупцией и другими пороками своего времени, — вот что исследует автор. Тогда, в 50-х, этот будущий руководитель — еще переросток-десятиклассник. Рыжий драчун, которого боятся и дети и учителя, постепенно становится хозяином округа. Первое усвоенное им жизненное правило — в этой жизни нужно иметь только силу, силу и больше ничего: если ты хотя бы племянник председателя колхоза, можешь чувствовать себя безнаказанным. Знания? Грамотность? «Не в ентом счастье!» — отвечал мальчишка учителю. Смысл жизни он уже со школьной скамьи видит в том, чтобы «жрать досыту и пить допьяну» — так он написал в школьном сочинении. Весь уклад школы — как в городе, так и в деревне — формирует подрастающего циника: из школы был изгнан не он, а взбунтовавшийся учитель.

Именно перед этим лишенным нравственных устоев неучем и лентяем, откровенно вслед за своим покровителем презиравшим интеллигенцию, открыты все пути. Один из немногих в деревне, он поступает в сельскохозяйственный институт — первый шаг к светлому завтра. В будущем готовится стать директором. Не важно — чего, лишь бы руководителем. И никто — в том числе и мы, читатели, — не сомневается: так оно и будет. Ибо не раз уже было.

Очень важны для понимания повести ее начало и заключительный эпизод. Письмо, пришедшее в редакцию газеты уже в наши дни, сообщает: человек мог бы жить, но ему не помогли, и он умер из-за преступного равнодушия, подлости местного руководителя. Сотрудник газеты, бывший когда-то тем самым школьным учителем, по стилю поведения этого руководителя узнает своего давнего воспитанника-недруга. И не важно, что хозяином кабинета, в который журналиста привело письмо, оказывается не прежний его знакомец, а другой — с жестким и равнодушным лицом, — у этого другого те же нравственные правила, те же корни.

Жесткость, публицистическая открытость авторской мысли определили и компактную динамичную форму повести. Автор сталкивает разные временные пласты, сводит в конфликтной ситуации героев с противоположными, чуть ли не взаимоисключающими жизненными установками (правда, публицистическая заостренность повествования излишне выпрямляет характеры некоторых

героев Поройкова). Писатель стремится сказать многое на малом пространстве прозы. И ему это удастся.

Ксения Бродер.

ЛЕОНИД ГРИГОРЬЯН. Вечернее чудо. Стихи разных лет. Ереван. «Советакан грох». 1988. 181 стр.

Стихи, вошедшие в «Вечернее чудо», писались на протяжении четверти века. В нихлюдно: тут друзья, недруги, женщины, студенты, коллеги, наконец, просто прохожие — все те, кого Григорьян величает «сограждане мои, согорожане».

Обстоятельность, диктующие поэту стихи, будничны, герои негероичны, отношение к собственной персоне окрашено иронией, интонация подчас шутейна («смягчим повествование юморком») и никогда не надрыжна — стихи между тем пронизаны серьезной мыслью и вопреки внешней непритязательности глубоки: «Если быт испытать пониманьем, бытованье войдет в бытие!» Намерения поэта двойки: с одной стороны, «все снизить, заземлить», чтобы, накрепко повязанный с бытом и обиходом, стих не витал в эмпиреях, с другой — поднять будничную жизнь до уровня судьбы, жребия: «Оттого не смолкает небесная арфа — возвышает, взывает, влечет, что в убогом углу хлопотливая Марфа подметает, стирает, печет».

Когда поэт уверенно стоит на почве реальности, ему дается не только острота зрения, но и точность прозрения. В том числе и социального. Лет двадцать назад ростовчанин Л. Григорьян напечатал в «Литературной Армении» стихотворение, содержащее однозначную формулу тогдашних — достаточно прикровенных — общественно-политических перемен: «Смещение жизни в сторону зимы». Затяжная эта зима лишь недавно пошла на потепление. Странная все ж таки вещь стихи. Звучат отвлеченно, а на поверку — конкретнее и не сказать. Когда-то Григорьян написал о чужой крови, недобро волнующей упырей всех времен: «Так повелось: сначала душу вынем, а там пускай докажет, что невинен». Теперь, после Сумгаита, это стихотворение внезапно обнажило свою горькую и несомненную злободневность.

«Вечернее чудо» рисует нам облик скромного и улыбчивого ростовчанина, тянущегося к армянским корням и дорожающего российским духовным родством. Но трезвость взгляда неизбежно требует от этого мягкого и уступчивого человека: или — или. Сознвая, что к чему на грешной этой земле, можно приспособиться и подловчиться — примеров тому несть числа, — а можно жестко определить для себя нравственный кодекс, в котором на первое место выходит одиннадцатая заповедь: не предавай! Не предавай, когда изменить принципам уже не считают зазорным, храни внутреннюю обособленность и свободу, лелей и оберегай ее, тверди про себя: «Стыдно, оттого что стадно». Так — у Григорьяна. При этом его готовность не поступаться честью и платить за свой выбор любую цену давно и до конца осмыслена. «Я знаю, — говорит

он, и пауза между соседними строками исполнена убежденности и потому весома, — за что собою заплачу».

Но нельзя же в самом деле жить, поминутно видя перед глазами Голгофу. Что ж, учи студентов латыни, бегай в столовку, пиши письма, принимай в небогатом своем доме друзей... Последнее выделим особо. Друг, дружба — особая у Григорьяна статья. Он безжалостен, когда выставляет себе отметки за то, как жил и что сделал: «В общем, неуды, максимум — тройки». Однако есть на мрачном фоне отдушина, и автор, право слово, не льстит себе, констатируя: «Но по дружеству — твердое пять». У него нет деклараций или проповедей о дружбе, говоря строго, у него нет даже стихов о друзьях, но без этого неизбывного, всюду и во всем разлитого мотива книга разом утратила бы свою одушевленность. Что такое для Григорьяна дружба — об этом маленький и воистину берущий за душу цикл, обращенный к незабвенному Виталию Семину, ближайшему на протяжении десятилетий другу поэта.

Коль скоро зашла речь об отдушниках, упомянем напоследок еще одну — надежду, которой автор никогда, кажется, не терял и которая отозвалась в названии его книги. «Вечернее чудо» не что иное, как встреча с ангелом-хранителем. Если тебе на долю выпали арест отца, оккупация, наветы, травля, смерть друга и еще много чего, а ты и в пору беспросветного безвременья ни единой строкой или жестом не уронил себя, так, может статься, он и впрямь не выдумка, небесный твой страж. Поэт надеется. На то он и поэт.

Георгий Кубатьян.

ИСТОРИКО-АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИС-СЛЕДОВАНИЯ. Выпуск XX. Минувшее, современность, прогнозы. Ответственный редактор А. А. Гурштейн. М. «Наука». 1988. 416 стр.

Вселенная и человек... На этой вековой проблеме сфокусированы статьи, эссе, заметки авторов сборника. Органическая включенность пишущих в предмет исследования придает многим помещенным здесь материалам не только философскую глубину, но и своеобразный, я бы сказал, поэтический аромат.

Вот, к примеру, интереснейшая подборка материалов, посвященных выдающемуся советскому ученому Кириллу Павловичу Флоренскому (1915—1982). Мне приходилось многократно встречаться с К. П. Флоренским на протяжении нескольких последних лет его жизни, и могу засвидетельствовать, что не только удивительной для нашего времени широтой научных интересов (геология, геохимия, биогеохимия, метеоритика, космохимия, планетология, история науки...), но даже внешне он очень походил на своего великого учителя академика В. И. Вернадского. А в особенности — чертами своего характера: мягким, дружелюбным отношением к людям, терпимостью к чужому мнению (чего нам временами теперь так недостает) и, конечно же, безоголосной